

18+

Александр Петров

АКТИРОВАННЫЕ ДНИ

Александр Анатольевич Петров

Активированные дни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70354612

ISBN 9785006235144

Аннотация

В сборник помещены коротенькие рассказы – воспоминания о послелагерной Колыме и её людях. Небольшие сюжеты воспринимаются легко и вызывают интерес и ностальгию у всех, кому удалось познакомиться с ними...

Содержание

От автора	6
Мороз	7
Лесок	10
Сбежали	13
Родное слово	16
Первая форма	19
Прогресс	23
Кохтур	28
Офицерский ремень	36
Пятая точка	43
Библия	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Активированные дни

**Александр
Анатольевич Петров**

© Александр Анатольевич Петров, 2024

ISBN 978-5-0062-3514-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Что такое «активированные дни» – знает каждый северянин. И книга рассказывает не только об этом, но и о той атмосфере, в которой проходило детство в маленьком посёлке на Колымской трассе. Ни морозы зимой, ни комары летом никак не отражались на нашем счастливом детстве, о чём сегодня вспоминается с грустью от невозможности вернуться в места, где прошли самые яркие, запоминающиеся дни жизни. Теперь уже нет тех колымских посёлков, и их жители давно разъехались по многим городам России и другим странам, но детские воспоминания не уходят. Это и сподвигло меня взяться за перо и хоть как-то зафиксировать то, что осталось в памяти, чтобы вновь вернуться в родные места, хотя бы мысленно.

Каждый рассказ биографичен. Конечно, не все приведённые имена и фамилии точны, время, возможно, немного исказило то или иное событие. И хотя каждый рассказ имеет независимый от другого сюжет, они вписываются в единую общую канву, позволяющую погрузиться в атмосферу Колымы 1960—70 годов. Что из этого получилось – судить моим читателям...

Мороз

Выхожу зимой на улицу и ощущаю, что сегодня стало холоднее, чем вчера. Зима. Мороз. Пройдя метров сто, чувствую, что лицо начинает подмораживать и ускоряю шаг.

Сразу приходят воспоминания из северного детства. Ведь когда-то я мечтал жить там, где зимой сорок градусов...

А сейчас иду при тридцати – да разве это холод?! И мне тут же становится теплее, и уже начинаю не ощущать мороза. Воспоминания же не отступают. На ум приходит понятие «активированные дни», – их в детстве мы ждали как праздника. Утром, собираясь в школу, включив погромче местное радио, с надеждой вслушивались в каждое слово диктора, объявляющего температуру воздуха по населенным пунктам Сусуманского района. Звучало же каждый день одно и то же: «Температура – минус сорок девять». Хотя мы знали, что о погоде на завтра нам скажут послезавтра, и надеялись – а вдруг объявят активированные дни ввиду понижения температуры до 50—60 градусов мороза?! Градусник же за окном был не виден из-за густого тумана и толстого льда на стеклах окна. Да если бы и был виден – то показывал бы только то, что спирт в нём ненастоящий и давно замёрз на отметке в 45.

Иногда объявляли 55 или 60, хотя на улице ничего не менялось, – было также холодно, как и в прошлые дни. И наступал праздник «активированный день» – в школу можно не хо-

дить. Проводив родителей на работу и почитав книгу до тех пор, пока не стало светать, в 11 часов, я начинал собираться на улицу. Чтобы не навязывать шарф, – надевал свитер с толстой завернутой вдвое горловиной, поверх двойных трико и брюк, – надевались штаны с начесом, штанины, зауженные внизу резинками, натягивались поверх валенок, чтобы при ходьбе по глубокому снегу он не проникал вовнутрь. На руках – меховые, с подворотами, рукавицы. Утром лучше не умываться – чтобы не обморозить щеки...

Мы шли кататься с горки, она была прямо под окнами дома. Потом брели куда-нибудь греться: в клуб или в домик автобусной остановки на трассе.

Став постарше, в 11—12 лет, мы шли в наш скудный лесок, – лиственницу в нём когда-то вырубали для укладки брёвнами Колымской трассы, потом – для заготовки чурок, используемых в годы войны автомобилями вместо жидкого топлива.

Молодые редкие лиственницы стояли невысокими снежными пирамидками. Снег же был глубоким, почти метровым.

Скрип снега и шелест замерзающего от дыхания воздуха погружали нас в то белое безмолвие, которое описывал Джек Лондон на соседней с нами Аляске. Среди этого безмолвия у нас была построена снежная крепость, внутри которой мы разжигали костер и сидели, грелись у него.

Возвращаясь, по глубокому снегу, в темноте, после 14 ча-

сов дня, мы были покрыты не куржаком, а снежной коркой, ресницы слипались от инея, из носа периодически приходилось выковыривать лёд...

Когда же зимой, после несколькихнедельного 50—60 градусного мороза становилось сорок, и густой туман рассеивался, – поселок оживал. Люди, уставшие от мороза, выходили на улицу – гуляли, дышали свежим воздухом. Повышение температуры обычно сопровождалось небольшим снегопадом, – на улице становилось ярко и чисто... Тогда и приходили мне в голову мысли, что где-то живут люди и зимой там всего 40 градусов, и они, наверное, никогда не мёрзнут...

Лесок

Дом, где я жил с родителями был крайним. Напротив него был детский сад, а дальше начальная школа, переоборудованные из бараков, доставшихся поселку в наследство от лагерного пункта. Наш же дом стоял у самой Колымской трассы. А уже за ним и за заборами детсада и школы начинался лесок.

Он был небольшим, наверное, метров 300—400 в длину, и там за ним, в отдалении, одиноко стояла казарма, одно из немногих каменных зданий поселка, тоже оставшееся от лагпункта и приспособленное под мужское общежитие.

Сегодня расстояние от школы до казармы я вряд ли назвал бы лесом. Тогда же, – в дошкольном детстве, этот пустырь со стихийно выросшими маленькими лиственницами казался настоящей тайгой. И мы каждый день бывали там. Уже весной, как только сошел снег, мы приходили в этот крохотный лесок искать ягоду. Голубика, оставшаяся с осени, теперь на голых кустиках голубичника, была хорошо заметна. Время и злые морозы превратили крупные ягодки в засохшие обезвоженные шкурки... Но взяв одновременно в руку несколько таких ягод, можно ощутить их сладкий вкус. И мы, разжевывая эти сморщенные комочки, радовались наступающей весне и долгожданному теплу...

В середине июня начинала распускаться лиственница. Пу-

шистые ее веточки с яркими зелеными иголками – дарили нам первые витамины наступившего года. Сняв рукой полную горсть этих иголочек, мы жевали их, ощущая аромат дерева и кислый вяжущий непередаваемый вкус. Выплюывая жмых, набирали новую и новую порцию...

Потом, уже в июле в лесочке появлялась свежая голубика. Мы начинали её есть еще зеленой. Казалось, – нет ничего вкуснее этой кислой несозревшей ягоды. С каждым днем ягода становилась крупнее и синее, но интерес к ней постепенно пропадал...

В лесочке вдоль трассы тянулось небольшое озерцо-полуболотце. Привлекало оно нас тем, что в нём водились тритоны. Опустив в воду банку с хлебом или убитыми комарами, можно было поймать это крохотное существо полукрокодила-полудинозавра. Как удастся выжить им в этом насквозь промерзающем зимою озере?

Даже в шахтных выработках, когда шахтеры находили вмерзших в ископаемый лед этих животных, тритоны оживали, стоило растаять льду. Сколько лет и веков, а может и тысячелетий, они находились в мерзлоте? Чьими ровесниками являются? Неизвестно...

В середине шестидесятых годов лесок начали застраивать. Улица, уходящая от детсада до казармы-общежития, получила название «Комсомольская» и стала центральной улицей поселка.

С грустью смотрели мы на то, что наш лесок на глазах ис-

чезает и больше никогда не придется пройти по знакомым тропинкам, где прошло самое раннее детство...

Хотя к этому времени мы уже редко стали ходить в этот выросший нас лесок. Уже хотелось осваивать другие пространства вокруг посёлка...

На улицу Комсомольскую я вернулся через много лет. Посёлка к этому времени уже давно не было. Почти ничего не осталось от фундаментов домов, всё заросло травой и кустарником.

Хотя нет. Кое-что всё-таки сохранилось. Лесок, который когда-то был уничтожен, – появился вновь. Он снова радует глаз своими маленькими лиственницами и кустиками голубики, с синеющими на солнце ягодами...

Сбежали

Когда мне было 5 лет, я и моя младшая сестра Галина решили сбежать из дому.

До этого мы гуляли на улице и, забравшись на завалинку, ходили вокруг дома, заглядывая в окна. Окна были не только нашими, но и соседскими, а завалинка была очень высокой.

Родители несколько раз грозили нам через окна, вначале пальцем, затем кулаком и ремнём, в конце концов, не выдержали и стали кричать, чтобы мы немедленно слезли и сейчас же вернулись домой, а также о том, что на улицу нас больше никогда не выпустят...

Мы, завершив круг, спустились с крыльца и решили из дома сбежать навсегда.

И мы пошли в наш лесок, но сколько бы не удалялись по тропинке, всё равно наш дом оставался в поле зрения и никак не закрывался маленькими деревьями. И вдруг в лесу мы обнаружили большую металлическую печь. Она была старой и ржавой, прочно вросшей в землю. Дверки у печи не было, и мы свободно проникли вовнутрь.

– Смотри – какой домик! – радовалась Галина, – Давай в этом домике жить как Мышка-Норушка и Лягушка-Квакушка...

В печи и правда было теплее, чем на улице, и даже если пойдет дождь, то он нас точно не вымочит...

– Теперь нас никто не найдёт! – рассуждала Галина, – Пусть теперь знают, как без нас жить...

Я же воспринимал побег как игру, и соглашался с Галиной. – Даже если придёт медведь, – говорил я ей, – то он не сможет сломать такой крепкий железный домик.

Галина же, время от времени выглядывала из печи, – она хотела увидеть бегущих вокруг дома родителей, узнавших, что мы убежали навсегда.

Через полчаса мне уже наскучило прятаться в этом укрытии. – Пойду, схожу домой, узнаю – ищут нас или нет?

– Ладно! – согласилась Галина, – Только быстро приходи назад.

Подойдя к дому, я снова забрался на завалинку и уже осторожно заглянул в окно. В доме было тепло и уютно. Мать напекла кучу блинов, и они с отцом сидели и ели эти вкусные мои любимые блины. Я вмиг забыл о Галине и о побеге. Войдя в дом, стал скорее раздеваться и мыть руки.

– Иди быстрее за стол, пока блины не остыли! – торопила меня мать, – Где та бродит? – спрашивала она про Галину, – Ну пусть ходит, блинов ей, наверное, не достанется!

Я не стал выдавать военную тайну. Но не успел я сесть за стол, как дверь отворилась и вошла Галина.

– Ах, вот он где, – этот Сашечкин! Я его в лесу ждала! – сказала она, чуть не плача... Она тут же от обиды рассказала, что мы убежали из дома насовсем, нашли там печку, в которой хотели жить. Но я её обманул, она бы не вернулась

домой, но побоялась, что придёт медведь, который раньше сломал теремок и чуть не съел Мышку-Норушку и Лягушку—Квакушку...

Родители похвалили Галину, они сказали, что она поступила совершенно правильно, что не стала оставаться в лесу, где ночью бродят дикие и голодные звери...

После этого Галина больше не помышляла убежать из дома, и ходить по завалинкам тоже...

Родное слово

Моя мама, когда ещё и не была мамой, преподавала в лагерной школе посёлка Арэк. Отец, отработав год по распределению на шахте «Кадыкчанская», съездил и привёз её на Колыму. Жильё приобрести удалось на Арэке, где они и стали жить в маленьком домике.

Вскоре к домику подъехала «Эмка», прозванная народом «Чёрным вороном», из неё вышли двое в чёрных кожаных плащах, поверх военной формы и стали стучаться в двери...

– Нам сказали, что вы учитель, – сказал капитан, – и даже работали директором школы. Это просто удача, что вы приехали к нам. Поступило указание создать в лагере школу, а учителей нет!.. Чтобы вас не гонять в Сусуман, мы взяли для вас направление из райкома партии...

– Я же только математик! – говорила им мать, после неожиданного предложения, – Кто будет вести другие предметы?

– Русоведа мы возьмём из начальной школы почасовиком, а остальные предметы не так важны, думаю – вы справитесь! – ответил ей капитан, – Все хозяйственные вопросы вас не будут волновать. Главное – запустить учебный процесс...

Когда занятия начались, – эки пришли одетыми с иголочками – все в новых бостоновых костюмах, туфлях, не видевших колымской грязи, с дорогими авторучками и даже с зо-

лотыми часами на руках... Им разрешили посещать школу в неуставной одежде, и они, накопившие за большой срок работы на Колыме приличные деньги, приобрели себе одежду по последней моде. Их разбили на две группы и занятия с каждой группой проводились по вечерам два раза в неделю...

В школе мать проработала три года. Занятия прервались только на две недели, – когда родился я...

Однажды во время занятий мать услышала знакомое забайкальское слово. – Да ты «ладом» её потряси! – говорил один зэк другому, когда у него перестала писать авторучка.

Это родное слово сразу вернуло мать в детство. «Откуда он?» – сразу засела мысль о заключённом. Фамилией заключённого была «Кузнецов» и ни о чём не говорила...

И вот после одного из занятий мать подошла к зэку.

– Откуда вы? – спросила она его.

– Сибиряк! – ответил он коротко.

– Сибирь большая. А откуда из Сибири?

– Из Читинской области! – ответил Кузнецов.

– А если точнее?

– А точнее – с Алек-Заводского района, из села Красноярово! – последовал ответ.

– Вот как! Я по одному только слову поняла, что вы земляк. Я тоже из Красноярово! Как же ты оказался здесь?

– С фронта возвращались, – рассказывал ей Кузнецов, – всю дорогу пили. А где пьянка – там и драка. С одним раз-

ругались, разодрались, за него вступился другой – здоровый бугай, ну я и всадил ему в брюхо трофейную немецкую финку. Из-за этой финки, наверное, и вlepили мне на полную катушку – 15 лет. Но скоро срок уже заканчивается – не знаю куда ехать. Красноярово, слышал, – расселили...

– Никто её не расселил! – ответила ему мать, – У меня там родители живут...

Потом мать навела справки об этом Кузнецове. Он ушел на фронт из Заречной Красноярово, которую, действительно, расселили. Сестра его теперь жила в другом селе Александрово-Заводского района. Брата они считали пропавшим без вести. Потом нам прислали адрес его родных, и мать передала его зэку Кузнецову...

Первая форма

Первой формой, которую мне пришлось носить, – была школьная форма. Мечты о ней начались еще в детском саду. Начальная школа располагалась напротив садика, в таком же бывшем бараке, оставшемся от лагерного пункта дальстроя Берлага. Ученики ходили тогда в школьных форменных фуражках, гимнастёрках и ремнях. И когда я с матерью оказывался в магазине – то начинал клянчить, чтобы она купила мне такую фуражку, почти как военную. Но мать говорила: «Подожди, немного осталось. Пойдешь в школу и будешь носить эту форму, а сейчас нельзя, пока ты в детском саду».

Но именно перед моим поступлением в школу, старую форму отменили и ввели новую – простого покроя пиджачок из того же серого материала и брюки. Ремней и фуражек, о чем мы мечтали, к нашему огорчению, не стало.

К школе мать купила мне новую форму: пиджак, пару белых рубашек и двое брюк.

К 1 сентября в школу я не успел. Возвращаясь из отпуска с родителями, мы из-за нелётной погоды засели в Якутске и прожили там больше недели...

В 1 класс я пришел только 8 сентября. Мои друзья-одноклассники к этому времени уже освоились в школе. Они с воодушевлением поведали мне обо всех премудростях новой

жизни. Первые уроки – «Письмо» ещё заключалось в рисовании палочек и крючочков карандашом. Ручки с чернилами нам ещё не доверяли. Уже чуть позже, когда стали писать ручками, первоклассников сразу можно стало выделить из общей массы учеников, – по испачканным чернилами рукам, лицу и форме. Занятия проходили в двух классных комнатах: на уроке мы сидели вместе с третьим классом, второй с четвёртым. Занятия в первый мой учебный день закончились быстро, не то, что пребывание в детском саду до самого вечера.

Я соскучился по пацанам и по своему поселку. Снега, на удивление, ещё не было. За забором школы был низкорослый лесок, где много голубики. И мы с друзьями через дырку в заборе пошли её есть.

Но радость моя была недолгой. Вскоре я за что-то зацепился – это была колючая проволока, которой в лесочке было полно. Я знал об этом, но длительное отсутствие в посёлке притупило бдительность. Неожиданно раздался треск, и на новых брюках образовалась большая дыра, в виде буквы Г. Уже безо всякого настроения я всё-таки поел ягоды и неспешно побрёл домой.

Войдя в квартиру, я стоял у порога, прикрывая портфелем дыру на брюках.

Мать сразу определила моё необычное поведение: «Разувайся, проходи! Что ты там стоишь? Что случилось?»

Я стоял и не знал, что ответить.

– Что ты там портфелем прикрываешь? – взяла у меня портфель из рук мать, – О! Разорвал штаны в первый же день! Где тебя чёрт носил?

– Да мы ягоду хотели поесть. А там зацепился за колючую проволоку...

– Дом-то далеко? Пришел бы переоделся и шёл бы в лес! Вот ходи теперь так – с порванной штаниной.

– У меня же ещё одни брюки есть! – сказал я.

– Те брюки не получишь! Завтра опять пойдешь по лесам, по болотам! Ходи теперь в таких штанах! Бери вон иголку – зашивай дыру! Я тебе зашивать не буду!..

Мать не шутила. Она взяла иголку, вдёрнула в неё нитку и протянула мне, – Зашивай сам!

Я шил, как умел. Это был мой первый опыт работы с иглой и ниткой. Работа была кропотливой и утомительной, с перерывом на обед.

– Во-во! – сказала мать, разглядывая мою работу, – Пусть над тобой теперь все смеются, над оборванцем.

Вечером, я расстроенный лег спать.

Утром, надевая брюки, я увидел, что дыра уже зашита по-другому. Видимо, мать вечером переделала шов и разгладила его утюгом...

В школе пацаны, знающие о моем вчерашнем казусе, – смотрели с сочувствием на мою штанину. Интересовались, о том, что мне было за это...

В рваных штанах я проходил с неделю. Потом мать всё-та-

ки выдала мне новые запасные брюки. Но я их надел с неохотой, – лучше в зашитых ходить. А новые вдруг опять порвутся...

Прогресс

Как быстро развивается прогресс. Совсем недавно в диковинку были пейджеры – а сегодня о них уже никто и не помнит. Было время, когда за японский видеоманитофон отдавали автомобиль или однокомнатную квартиру и были неопишимо счастливы от удачной сделки.

А еще раньше!?

Помню, как в самом начале шестидесятых отец приобрел первый переносной магнитофон «Астра-2» (до этого выпускались только стационарные). Магнитофон этот можно было закрыть крышкой с боковыми замочками и взять с собой, например в отпуск. Для этого отец и купил его, ездил за ним колымской зимой в соседний посёлок...

Потом мы везли магнитофон «на материк» – отец записывал приветы одних родственников другим, включал в гостях музыку и удивлял всех такой новой необычной техникой.

Чуть позже наш сосед по двухквартирному дому Тойво Вяярайнен привез себе с «материка» по-настоящему переносной магнитофон «Романтик». Его уже можно было носить за ручку и слушать музыку. Это был первый магнитофон в посёлке, который можно было включить и ходить по улице...

От Тойво Анисимовича вообще исходило всё прогрессивное и удивительное для жителей нашего маленького колым-

ского поселка. Вярайнены были из города Таллина. Тойво называл себя российским финном. Его предок-плотник ещё царем Петром Первым, в числе других финнов, был привезён для работы на Ревельской судовой верфи. Российские финны, проживающие с той поры в Эстонии, сохранили свой язык и русским владели в совершенстве. Старший брат Тойво Анисимовича работал переводчиком в Таллинском морском порту. Он-то и присылал брату всякие заморские диковины и дефицитные вещи. В то время это были нейлоновые рубашки, водолазки, шариковые ручки...

Я во втором классе писал обычной чернильной ручкой как курица лапой. Однажды мать не вытерпела: «На, пиши этой ручкой!» – дала она мне подаренную шариковую ручку, когда я в очередной раз и также безуспешно переписывал с черновика домашнюю работу.

На следующий день в школу я явился с шариковой ручкой. Любовь Алексеевна Денисенко, наша учительница, увидев диковину, пошла за заведующей школой Надеждой Ивановной. Они вместе с удивлением рассматривали эту ручку, и пришли к общему решению, – что писать мне ею нельзя, так как ещё не выработан почерк и правильный нажим, который в то время был очень важен. И мне не разрешили писать шариковой ручкой... Но прогресс быстро пришел к нам в посёлок. Уже в четвёртом классе шариковыми ручками стали писать практически все...

Как-то раз в посылке Вярайненым прислали две упаков-

ки жевательной резинки. О том, что такая существует, – в ту пору знал далеко не каждый.

Тойво Анисимович пришёл на работу в «нарядную» (так называли шахтерскую контору) со жвачкой во рту.

В конторе народу было немного, только немногочисленные ИТР, шахтёры уже ушли на работу.

Первым заметил жующего Тойво Анисимовича Анатолий Ашарин, председатель шахткома.

– Что это у тебя?

– ...!!!

– Дай попробовать!

Тойво Анисимович достал из стола упаковку, вынул оттуда пластинку, завёрнутую в фольгу, и протянул Ашарину. Тот счастливый пошёл из кабинета.

«Ну, всё! Сейчас потянутся! – подумал Тойво Анисимович, – На всех точно не хватит!»

И в самом деле, через несколько минут зашли две женщины из «ламповой», – Угостите нас Тойво Анисимович жевательной резинкой! Хоть попробовать, что это такое?!

Ну что же тут поделаешь? Тойво Анисимович достал из упаковки две пластинки и подал их женщинам. – Ну, попробуйте!

После их ухода он сидел обескураженным: «Теперь ведь точно работать не дадут...»

И вдруг... Взгляд его упал на очки, лежащие на шкафу с документами. Из самоспасателя шахтёрские очки в резино-

вой оправе имели белую резиновую тесьму, точь-в-точь такого же цвета и шириной как жевательная резинка.

Тойво Анисимович взял очки, снял эту тесьму и, протерев её влажной тряпкой, аккуратно нарезал по нужному размеру. И первый кусочек завернул в оставшуюся фольгу.

Новый посетитель не заставил себя долго ждать.

– Тут что-то вся контора жует какую-то резинку? Говорят – ты раздаёшь?! – вошел к нему Василий Степанович, сосед по кабинету.

– Да мне не жалко! Резинка – как резинка! – ответил ему Тойво Анисимович и нехотя полез в стол. Вытащив пластинку из фольги, он аккуратно отрезал половинку лезвием и подал её Василию Степановичу...

Потом заходили ещё и ещё кто-то. И Тойво Анисимович щедро наделил резинкой всех желающих.

К обеду к нему снова заглянул Василий Степанович.

– Сейчас заходил в «ламповую», – сказал он, – у женщин почему-то резинка тянется, а у меня нет?

– Она не сразу становится мягкой! – успокоил его Тойво Анисимович, – Подольше пожуй и у тебя будет тянуться! Как тебе она вообще?

– На вкус – очень приятная! – ответил Василий Степанович, – Но челюсти сильно устают. Как американцы её жуют целыми днями?

Только к концу смены Тойво Анисимович с Ашариным раскрыли рецепт изготовления жевательной резинки из под-

ручного материала...

Кохтур

Откуда мать взяла это слово, я у неё так и не узнал. Позже пытался найти его в словарях и интернете, но нигде так и не обнаружил. Даже если бы это была чья-то фамилия – она тоже бы высветилась в интернете? Но нет этого слова нигде...

Возможно, я и не придумал бы этому слову значения, если бы оно периодически не применялось матерью по отношению ко мне.

Не сказать, что слово это было ругательным, скорее оно носило оттенок какого-то сожаления (ну что с него взять, с недотёпы?).

В раннем детстве, зимой, гуляя по территории детского сада (он был рядом с нашим домом и мы часто гуляли там в выходные дни), меня вдруг потянуло на эксперимент. Я знал, что язык обязательно примерзнет к металлу, если к нему притронуться зимой в мороз. «А если железо согреть?» – подумал я и стал своим дыханием дуть на металлический прут детсадовской карусели. На нём вначале появилась изморозь, потом посередине изморози появилось мокрое пятно. Раз мокрое, – значит тёплое, – подумал я и притронулся к этому месту языком, и язык... все равно примерз!

Со слезами на глазах я вернулся домой. Говорить раненым

языком было больно...

– Это что за Кохтур, большой ведь уже, а ума нет. Иди тебе сейчас мазью намажу язык! – говорила, шутя мать, – Когда уже повзрослеешь?..

Весной сбылась моя очередная мечта – мать купила мне кирзовые сапоги. Я уже давно просил купить мне именно такие, а не резиновые девчоночьи.

Весна на Колыме наступает резко. До последнего зима не хочет сдаваться, стоят морозы, и вдруг в конце апреля в одночасье становится тепло и в несколько дней происходит бурное таяние снега, накопившегося за длинную зиму. По посёлку как горные речки бегут бурные ручьи, на ровных местах появляются большие грязные, от угольной пыли, лужи.

Тут-то я и вышел в своих новых кирзовых сапогах и сразу обнаружил, что ходить в них по еще местами не растаявшему снегу очень скользко. Попускав по ручьям кораблики, из всего, что может плавать, я пошёл к луже. «Интересно, какая у неё глубина? – подумал я, – В сапогах, наверное, точно можно перейти её вдоль и поперёк?!» Позабыв, про скользкие подошвы сапог, я смело шагнул в лужу и, сделав всего два шага по ледяному дну лужи, поскользнулся и упал на её середине.

– Это что ж такое? – ругала меня мать, – Все дети как дети, а этот Кохтур не успел выйти из дома, – уже весь уделался

как поросёнок...

В нашем Колымском поселке было две невзгоды: мороз зимой и комары летом. Комаров было столько, что когда они садились тебе на спину, если ты был одет в чёрное (комары почему-то любят садиться на чёрное), их оказывалось столько, что твой пиджачок становился серым от сплошной комариной массы, как от роящихся пчёл...

Как-то к концу короткого лета мать мне и сестре пошила сетчатые шаровары. Где уж ей удалось раздобыть сетчатую ткань для накомарников – одному богу известно.

Надев на себя эти шаровары, я с важным видом вышел из дома. А тут как раз мой друг и сосед Коля Кучерявый бежал мне навстречу. Они с родителями вернулись из отпуска и несколько месяцев пребывания Коли на ридной Украине, напрочь отучили его от русской речи. Подбежав ко мне, Коля стал балакать со мной на, понятной только ему, мове. Я же стоял удивленным, считая, что он дурачится, но потом понял, что у него не получается говорить по-другому, и так уж случилось, что съездив к себе на родину, он вернулся оттуда хохлом.

Мы зашли на территорию детского садика – ходили там, катались на качелях. Коля рассказывал мне какие-то смешные истории и делился, как мог, впечатлениями от поездки. Потом мы поднялись на деревянную горку – сидели на ней и грелись последним теплом предосеннего солнца. И тут Во-

вка, Колин брат, из-за детсадовского забора стал звать его домой. Мы спрыгнули с горки вниз, и вскоре я заметил, что одна нога у меня оказалась голой, а сетчатая штанина аккуратно распоротой сверху донизу – по-видимому, за гвоздь зацепился, прыгнув с горки...

Как ругала меня мать за порванные шаровары – я не помню. Дня через два она прострочила на машинке вдоль разорванной штанины.

– На, Кохтур! – сказала она мне, подавая шаровары, – Иди, снова лезь по заборам, прыгай с крыш! Хорошо хоть прошлый раз ногу не распорол!..

В посёлке появился ларёк. Домик на полозьях притащил бульдозер из-за трассы, когда там закрыли шахту. К домику сделали завалинку, пристроили высокое крыльцо, внутри оборудовали прилавок.

Ассортимент продуктов в ларьке был невелик. Здесь продавали крупы, пряники, конфеты. Сюда же привозили хлеб и молоко из соседнего посёлка Арэка. Из окна нашего дома ларёк был хорошо виден. Как только машина отъезжала от ларька, мать отправляла меня туда за молоком. С бидончиком в руке и деньгами в другой, я стоял в очереди, где собиралось много народу, в маленьком помещении было душно и хотелось скорее на волю...

Был случай когда, получив 3 литра молока, я выскочил из ларька, запнулся о стоящую под углом металличе-

скую рейку от навесного замка, и кубарем слетел с высокого крыльца, слегка поцарапав колено. Все произошло так молниеносно, что осознание падения пришло уже на земле. Бидончик был пуст.

– Не убилися, Кохтур? – осматривала моё колено мать, – Бог с ним, с молоком.

– Да я снова схожу, там его ещё много!

– Ну, иди! – снова дала мне деньги мать.

– Под ноги смотри! – кричала она мне вслед...

Когда я учился во втором классе, мать как-то, открыв мой дневник, обнаружила, что я не записал домашнее задание. – И что ты сейчас будешь выполнять? Почему не записал? Вот иди теперь узнавай, где хочешь.

– Я сейчас к Оленю сбегаяю, – обрадовался я.

– Иди, Кохтур! Почему у Славика Олейника все записано, а у тебя нет? Чем ты там занимаешься на уроках?

Я быстро оделся и пошел к Оленю. Путь к нему лежал мимо котельной. Тут я увидел суматоху. Пацаны притащили с ФИПа (фабрика инертной пыли) куски парафина. Тут были Вовка Черныш и братья Петруки, тут же был и Олень и еще кто-то. Они прислоняли куски парафина к тлеющей золе, – парафин вспыхивал, начинал таять и капать большими горящими каплями. Несмотря на дневное время, уже были сумерки и горящие в темноте капли вызывали неопиcуемый восторг. Я тоже взял кусок парафина, и у меня получи-

лось то же самое. Подняв кусок повыше, я любовался этой необычной иллюминацией. И когда огонь охватил весь кусок парафина полностью, я отбросил его в сторону и тут заметил, что большая капля парафина упала на полу моего пальто.

– Эх! – Вспомнил я, что случайно надел не то пальто, когда наспех собирался к Оленю. Это пальто было новым, в котором я не гулял, а только ходил в школу. Я пытался стереть пятно, но оно не счищалось, а еще хуже размазалось.

Когда все куски парафина сгорели, мы пошли к Оленю за заданием, а потом я пошёл домой.

– Ты куда подевался? – ругалась мать, – Тут за 10 минут можно сбегать, а он ушёл с концами.

Когда же она увидела пальто с пятном...

Потом, каждое утро, провожая меня в школу, мать, глядя на невыводимое пятно, говорила одно и то же: «Тебе ничего нельзя покупать, Кохтуру, вон, что с новым пальто сотворил, я тебе его на два года купила, – вот и ходи теперь с пятном, раз не берёг»...

Уже позже и став старше, как-то летом мы с пацанами пошли воровать рыбу. Андрюха Романов, наш друг, с которым мы ходили в детсад и школу волею судьбы оказался воспитателем Сусуманского интерната (у него погибли родители). Каждое лето мы ждали Андрюху. Он приезжал на каникулы к бабушке и дедушке и разнообразил нашу жизнь. Интернат научил его видеть то, что мы не замечали. Поселко-

вые рыбаки съездили на рыбалку. Вон теперь рыба висит сушится около некоторых домов. Один домик стоял на окраине посёлка, рыба висела прямо над окнами, в которые в любую минуту мог выглянуть хозяин. Поэтому мы ползли к дому, скрываясь в траве и кустах. Потом, когда сняли с проволоки по паре хариусов побежали от домика прочь. Уже в перелеске я запнулся о торчащий из земли металлический ржавый штырь. Почувствовав резкую боль в лодыжке, я продолжал ковылять подальше от злостной рыбы. Потом, осмотрев ногу, я обнаружил дыру в кеде и окровавленный носок. Оказалось, что я не просто запнулся, – а пропорол штырём ногу... Придя домой меня уже стало знобить – от глубокой раны поднималась температура. Вызвали фельдшера Надежду Морозову – благо амбулатория располагалась в соседнем доме. Мне промыли рану гипертоническим раствором, сделали укол от столбняка...

Утром, прыгая на одной ноге, я появился на кухне. – Ну что Кохтур, догулялся, – сказала мне мать – теперь хоть опнёшься, дома посидишь, книжки считаешь, а то совсем разболтался...

Это странное слово навсегда осталось в моей памяти. Оно применялось матерью тогда, когда я возвращался домой с полными валенками снега, с обмороженным носом, щеками или ушами...

– Это что за Кохтур? Он почему себя не жалеет? – гово-

рила мать, – Опять себя разукрасил – иди вон помажь нос маслом!

Много времени прошло с тех пор. В воспоминаниях остались Колыма и друзья, и матери уже нет, но у меня, когда что-то не получилось или делалось не так как хотелось – сразу на язык приходило это неизвестно откуда взявшееся слово...

Офицерский ремень

Много ли вещей у нас осталось с детства? У меня практически ничего. Ведь детство прошло на Колыме, где оказались родители, после окончания Читинских учебных заведений и распределения на Крайний Север. Проживание на Колыме было временным. Приехали на год-два, потом уезжали в отпуск и вновь возвращались – так в условиях временности и прошло 20 лет. Когда в посёлок приезжали новые жители – им вместе с жильем доставалась какая-то мебель, от прежних, недавно выехавших на «материк», колымчан. Материком называли всю территорию Советского Союза, Колыма же считалась отдельным архипелагом. Когда родители выезжали с Севера – взяли самое необходимое: какие-то носимые вещи, документы. Из этих вещей и остался у меня только офицерский ремень, вернее одна пряжка, которая уже несколько раз меняла своего кожаного попутчика.

У нас, детей 60—х, была какая-то тяга ко всему военному. Война закончилась не так давно. Еще молодыми были участники боевых действий, которые рассказывали о войне, о войне выходили фильмы, мы смотрели их по несколько раз. И все наши игры были связаны с войной то «в Чапаева», то «в наших и немцев».

Детскими игрушками в детсаду у нас служили поделки заключенных – кубики и пирамидки, машинки и куклы. Лагерь

заключенных располагался в соседнем посёлке. В нашем же посёлке лагерь был закрыт в 1955 году после хрущевской амнистии. Детский сад, начальная школа, магазин и столовая располагались в бывших лагерных бараках. Вокруг посёлка ещё оставались мотки колючей проволоки и лежали поваленные вышки лагерного пункта.

Для игры в войну нам нужны были пистолеты. Поэтому мы, пяти-семилетние дети выходили на нашу знаменитую Колымскую трассу, по которой возили заключённых на работу и, завидев колонну из двух-трех или четырёх машин, кричали: «Заключённые киньте пистолет!» И они бросали нам деревянные пистолетики, а иногда и автоматики, сделанные во время перекуров на стройках народного хозяйства.

Чуть старше, в классах третьем-четвёртом, нас уже привлекали настоящие военные фуражки и пилотки. Если фуражку можно было добыть только во время поездки на материк, то старенькую пилотку можно было выклянчить у солдат, охраняющих эков. Солдаты часто заезжали в наш посёлок в магазин или столовую.

А уже в пятых-шестых классах начиналась мода на военные ремни. Каждый, уважающий себя пацан просто обязан был иметь солдатский ремень со звездой на бляхе. Всё самое сокровенное и лучшее не шло в сравнение с солдатским ремнём. В обмен уходило всё: значки, марки, открытки с любимыми актерами и даже интересные книги.

А вот более высоким становился твой статус, если ты

стал обладателем морского ремня. Такие ремни встречались очень редко, их в поселке можно было пересчитать по пальцам. Чтобы его заполучить, можно было отдать два, а то и три солдатских ремня, да ещё и кучу армейских значков.

Друзей в маленьком поселке у меня было много – точнее практически все, с кем я учился и раньше ходил в детский сад. Мы жили одной немногочисленной, но дружной семьей. Но самым близким другом в пятом-шестом классах у меня оказался Серёга Загоранский. В это время мы были с ним неразлучны. Наверное, потому, что у наших родителей совпадал режим рабочего времени, и мы одновременно оказывались бесконтрольными после школы и до тёмного времени суток. А ещё у наших родителей дома были установлены телефоны, и нам легко было сорганизоваться, чтобы вместе куда-нибудь двинуть, невзирая на погодные условия. Зимой погода была практически каждый день в пределах минус пятидесяти градусов, а то и ниже.

Серёга был великим изобретателем. Ему в голову постоянно приходили какие-либо идеи, которые он непременно воплощал в жизнь, его ничто не могло остановить. С ним зимой мы строили из снежного наста крепости, где потом, разведя костерок, проводили свое свободное время. Летом строили плоты и плавали на них по озеру – котловану, оставшемуся от добычи глины для кирпичного завода. По Серёгиному проекту мы из труб выгибали салазки, потом на них катались с терриконов, оставшихся от когда-то действующей

шахты.

– Ты видел у Шушпанникова офицерский ремень? – как-то спросил меня Серёга. Витька Шушпанников был старше нас лет на шесть-семь, уже собирался в армию. Он был любимцем публики (в полном смысле слова) – пел на сцене местной художественной самодеятельности.

Конечно, видел я ремень. Где такой возьмешь? У наших пацанов ни у кого таких нету.

– Я знаю, где можно взять такой ремень! – сказал Серега, – К нам в столовую приезжают обедать водители с трассы. И бывает, что у них одеты ремни на спецовку, бывают даже офицерские. Можно с ними поменяться – им какая разница, какой ремень – солдатский или офицерский носить на робе.

Серега в столовой был завсегдатаем. Его мать была заведующей этой столовой, и он всегда там обедал. И я часто ходил с ним, составив компанию. Идею Сереги я воспринял скептически. У меня бы и смелости не хватило подойти к взрослому человеку с каким-то обменом.

Но Серега строил планы: «Нужно просто все время носить ремень и точно, когда-нибудь можно будет поменяться».

Я даже предположить себе не мог, что его план может воплотиться так быстро. В один из дней, мы уже поели и собрались выходить из столовой, как вдруг в неё ввалило человек пять шоферов. Тут Серёга толкнул меня и показал взглядом на пожилого мужчину в ватных штанах и унтах. Штаны его держались не только на подтяжках, но и были опоясаны по-

трёпаным офицерским ремнём.

– Эх! – сказал Серёга, – я ремень не надел сегодня.

– У тебя есть ремень? – спросил он меня.

На мне был надет новенький морской ремень, который я совсем недавно выменял у своих пацанов с большим трудом.

– Давай твой поменяем! – предложил Серёга.

Я тоже понимал, что такого шанса больше не будет. Но морской ремень было жалко. Лучше бы солдатский поменять. Мы стояли и ждали, когда водители пообедают. Когда они пошли к выходу, Серёга, видя состояние моей внутренней борьбы, сказал: «Давай я поменяю, пока мужик не ушёл!». Я быстро отдал ремень ему.

– Дяденька, давайте поменяемся?! – подошел Серёга в мужчине. Тот удивился, что мы предлагаем такой красивый ремень за какую-то рухлядь. Он, так и сказал, как рассчитывал Серёга: «Мне разницы нет, какой ремень». Когда же он стал надевать мой ремень, он вдруг не стал сходиться на его грузном торсе, одетом в ватные штаны. Но видя наши печальные лица, сказал: «Да ладно, отвезу сыну, пусть пацан обрадуется!»

Из столовой мы шли счастливыми. У нас свой офицерский ремень. Пусть даже старый, но только больше ни у кого такого нет (кроме, естественно, Шушпанникова).

– Ничего, я тоже себе такой выменяю! – говорил Серёга.

Но после этого, как назло, в столовую больше никто не приезжал в офицерском ремне.

Летом, после окончания шестого класса, родители Серёги решили выезжать с Севера. В Днепропетровске им построили кооперативную квартиру. Грустно мне было прощаться с другом. Мы понимали, что вряд ли придется встретиться. Он уезжал на Украину, у меня родители из Забайкалья, и мы, понятно, что выедем туда, и дороги наши вряд ли пересекутся.

Но встреча всё-таки состоялась, через 17 лет. Как-то раз судьба привела нас с женой на Азовское море в Бердянск. Жили в профилактории, а столовая была общая на несколько профилакториев. И вдруг в столовой я обратил внимание на семейную пару, точнее на лысоватого крепкого мужчину, с характерно выступающей вперёд челюстью. «А ведь Серёга Загоранский мог стать таким? – подумал я, – Да и Бердянск недалеко от Днепропетровска». Я быстро поел и вышел на крыльцо. Через некоторое время мужчина вышел и поравнялся со мной.

– Загоранский?! – окликнул я его.

Он обернулся. Да, это был он, Серёга, металлург из Днепропетровска. Оставшийся наш отдых прошёл в воспоминаниях о детстве, о Колыме, о друзьях. Я обещал Серёге, что обязательно в другой раз заеду в Днепропетровск. Сам же думал привезти ему в подарок новый офицерский ремень – благо у меня их теперь несколько, ведь я служу в милиции...

Но этому не суждено было сбыться. Уже в «Одноклассниках» мне сообщили, что Серёга попал под машину, сильно

покалечился и вскоре умер от сердечного приступа.

Сегодня о Серёге, о колымском детстве мне напоминает та самая пряжка ремня, которая была со мной в институте, приделанная к модному широкому ремню с блестящими клепками. Потом эту пряжку я ставил на офицерский ремень, служа в милиции. И сегодня на джинсах я ношу ремень с именно той самой пряжкой, которая прошла все испытания в моей жизни. И вот уже 48 лет, застегивая ремень, я словно возвращаюсь в свой маленький посёлок холодной, но такой тёплой Колымы, вижу своих друзей, слышу Серёгины слова: «Дяденька, давайте поменяемся»...

Пятая точка

Однажды зимой мы с Серёгой и другими пацанами обнаружили около наших домов брошенный сарай. Прежние хозяева видимо выехали с поселка и сарай временно стал ничьим. В этом сарае мы нашли большие самодельные санки, сваренные из железных, уже поржавевших прутьев. Днища у санок не было – деревянная их часть не сохранилась. Для кого делались эти массивные санки? В каком году? Наверное, ещё для детей лагерной администрации постарался какой-то умелец из заключенных?

Санки были очень тяжёлыми.

– Вот бы с террикона на них съехать! – сразу предложил Серёга.

Тащить их к терриконам далеко, да и холодно. Но Серёга начал нас убеждать, – что это будет здорово прокатиться на этих санях с такой высоты. Пришлось искать проволоку, чтобы как-то докатить санки к терриконам, находящимся в отдалении от посёлка. Ещё труднее было затащить их на вершину.

– Кто первый поедет? – Никто не решался.

– Ладно, я сам поеду! – сказал Серёга.

Он подложил на санки фанерку, сел и поехал вниз. Санки покатались, на удивление, быстро. Но пару раз подпрыгнув на неровностях, из-под Серёги вылетела фанерка. Как ему

удавалось держаться на санках – мы не успели даже заметить в снежном вихре. Съехав с террикона, он ещё долго мчался по льду замерзшего озера. Когда санки остановились – Серёга продолжал сидеть неподвижно. Мы стояли наверху и кричали ему, но он не отзывался. Не вытерпев, мы побежали вниз. Серёга сидел в санках и плакал – он отбил себе пятую точку, но санки не бросил и доехал до конца...

А ещё Серёга очень хорошо рисовал. Как-то раз отец привёз ему из командировки большую пачку карандашей. Мы никогда не видели раньше такой пачки. Карандашей было штук пятьдесят, каждого цвета по несколько, – то есть практически вся гамма цветов.

Серёга, в отсутствии родителей, сразу взялся рисовать пятирублевку. Рисовал он её, наложив на стекло, и раскрасив, получил почти полную копию настоящей. Потом он заменил копией настоящую пятирублевку в материнном кошельке.

У его матери было плохое зрение, и ничего не заметив, она стала расплачиваться этой пятеркой в местном магазине. Продавец, взяв пятерку в руки, сразу определила подделку, а мать, сразу догадалась, кто эту подделку создал.

Били Серёгу шлангом от стиральной машинки и снова по пятой точке. После этого интерес к рисованию у него пропал...

Библия

Со Славиком Олейником я дружил с раннего детства. Он, Витас Саболенис, Серёга Загоранский были моими самыми близкими друзьями с детского сада.

Мне нравилось ходить к Славику в гости. Они жили неподалёку от «нарядной» и котельной, в домике, который его отец построил сам, после освобождения из лагеря.

Мать Славика, тётя Аня, была одесситкой, здесь же, в посёлке жили ее две сестры – т. Паша Кислая и т. Катя Николаяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.